МОЛОДОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ:
О РОМАНЕ ЛЮБОМИРА МИЩИЧА
«ВАРВАРОГЕНИЙ ДЕЦИВИЛИЗАТОР»

Наталья Витальевна Злыднева

*Институт славяноведения РАН (Москва)
natzlydneva@gmail.com*

1. Поэтика исторического авангарда 1910-х годов в литературе и искусстве (как в Европе, так и в России) основана на структурном принципе катахрезы и характеризуется антиномическим сочетанием взаимоисключающих свойств и понятий (Дёринг-Смирнова, Смирнов 1980; Smirnov 1984). Одним из ведущих понятий в литературе и искусстве, а также в манифестах представителей художественного авангарда выступают *молодость* мира и валоризация *нового*. Под последними понимается разное — прежде всего машинная цивилизация, задающая миру ускорение (это характерно для итальянского футуризма), а также мотивы детства, наивного миропонимания, начала мира, что было свойственно русскому авангарду начала XX века (ср. поэма Хлебникова «Мир с конца», примитивизм в живописи М. Ларионова, В. Кандинского и К. Малевича). Эти понятия противопоставлялись *старому*, «ветхому» миру и уходящей в прошлое культуре XIX века. При этом члены семантической оппозиции *старое/новое* не только взаимно обуславливались, но и взаимно заменялись в соответствующих контекстах. Модернистский радикализм при этом опирался на мифопоэтический комплекс представлений и выстраивал образность на основе архаических культурных стереотипов (Смирнов 1978; Иванов 1990; Ханзен-Лёве 2016).

2. Пафос антиномического вливания «молодого вина в старые мехи» был свойственен и югославянскому авангарду, однако с некоторыми особенностями. Вследствие своего запаздывания на оси европейского времени (возник на десятилетие позже по сравнению с русским и европейским авангардом) этот региональный авангард отличался эклектичностью и причудливым образом соединил в себе стремление к модернизации по европейскому образцу с почвенническим консерватизмом. Получивший воплощение прежде всего в деятельности интернационального журнала

«Зенит» (выходил в Загребе, а затем в Белграде в 1921–1929 гг.), который объединил вокруг себя футуристов, дадаистов и экспрессионистов из разных стран Центральной Европы и России (поэтов, художников, философов) и дал название художественному направлению, *зенитизму*, югославянский авангард провозгласил своей целью «варваризацию Европы». Такого рода риторика означала противоречивую установку с одной стороны, на приобщение к европейскому авангарду, усвоению его риторики, а с другой стороны — и одновременно — противопоставление Балкан Европе как молодости и силы — старости и слабости¹. Новое, призванное открыть сербам и хорватам дверь в век модернизма, должно было выступить в облике, отрицающем современную цивилизацию — в обращении к славянской архаике, веку варварства как источнику витальной энергии². Роман главного вдохновителя зенитизма, организатора журнала и идейного лидера югославянского авангарда Любомира Миича «Варварогений децивилизатор» отразил эту антиномию, которая проявилась на уровне структуры повествования, набора мотивов и риторических приемов³. Текст романа построен на противопоставлениях *молодое/старое, современное/прошлое*, в котором парадоксальным образом *молодое* отождествляется с далеким *прошлым*, а *старое* — с подлежащей критике *современностью*.

3. Текст романа носит гибридный характер, представляя собой сочетание автобиографических описаний с манифестами-памфлетами и мифологической фабулой. Повествование, в котором описывается жизнь героя от рождения до ее неопределенного конца, носит рамочный характер (*mise en abyme*), традиционный для авантюрного романа: нарратор (автор-1) находит рукопись якобы неизвестного писателя (автора-2), уже покойного к тому времени, в которой — в свою очередь — излагается история жизни героя. Мифологический компонент вводится в сюжет с самого начала: герой по имени Варварогений рождается от неземного союза крестьянина Зенитона и феи Морганы на горе Авала близ Белграда сразу взрослым мужчиной недюжинной силы и с обостренным

¹ Характерна гибридность уже в самом написании названия журнала — *Zenit* — где буква латинского алфавита соединилась с кириллицей.

² Подробнее о югославянском авангарде см.: Злыднева 2019.

³ Роман Л. Миича был опубликован в 1938 году в Париже по-французски и переведен на сербский лишь в 1993 году. В русском переводе роман появился в 2021 году в издательстве «Гилея», с предисловиями редактора С. Кудрявцева и переводчика М. Лепиловой, обширными комментариями, а также некоторыми манифестами и статьями автора (Миич 2021).

чувством справедливости. Отец героя — *варвар*, олицетворение памяти об исторических жертвах сербского народа, и от него у героя — сила; мать, имя которой отсылает к значениям ‘мираж’ и ‘иллюзия’, передала ему гениальность, то есть «правильное» видение мира. Мифологически и аллегорически отмечены все значимые события в жизни героя — день его рождения (день св. Георгия, праздник весны и исторической памяти о борьбе сербов с турками), встреча с возлюбленной Сербницей (аллегорией Сербии), в конце повествования погибающей в неволе. Основная миссия его жизни — спасение человечества от цивилизации XX века, то есть разворот времени вспять, к его истокам. В соответствии с логикой мифа судьба героя имеет начало, но не имеет конца и развивается в условном пространстве странствий по Европе. Повествование также закольцовывается: теряя былую мощь под тяжестью испытаний, герой находит завещание отца, в котором тот призывает его исполнить великую миссию — вернуть мир к началу времен. Мифологически маркирован и постоянный мотив инволюции — он звучит в призывах Варварогения обратиться лицом к древности (истории Сербии, прошлому Европы, истокам цивилизации), прильнуть к органическому и исконному (крестьянству) и обратить вспять (прежде всего городскую) цивилизацию, основанную на власти машин, финансового капитала и продажных политиков. Мифологически отмечено и имя отца героя — *Зенитон*, равно как и термин *зенитизм*, отсылающие к соляной символике.

4. Второй план романа вводит в фиктивное повествование реальные политические фигуры, чересполосицей вымысла и реальности предвосхищая принципы постмодернизма. Изгнанный с родной сербской земли, с горы Авала, за свои анти-европейские взгляды борец с цивилизацией встречается на своем скитальческом пути с разными людьми, ведя с ними ожесточенные споры. На обличительных монологах героя построена вся историческая линия романа, и тут сливаются воедино речь повествователя, героя и автора, дана обширная панорама идеологии, политики и искусства Европы и Югославии 1930-х годов, выступающих мишенью резкой критики со стороны автора романа — протагониста зенитизма. За аллегорическими характеристиками выступают вполне реальные персонажи или собирательные образы: за фигурой «борзописца» — известный сербский поэт-сюрреалист 1920–1930-х годов Растко Петрович, за фигурой «профессора» — сторонник югославизма и пропагандист модернизации сербского общества Драголюб Йованович, за фигурой «министра» — Антон Корошец, поборник сближения Югославии

с Германией и т. п. Среди воображаемых встреч — и сербский король Александр, и итальянский поэт д'Аннунцио, и диктатор Муссолини. Патетические филиппики Варварогения обращены в адрес лицемерной, по его мнению, европейской цивилизации, поборников машинной индустриализации и свободного рынка, а также продавшихся Западу «сербофобов». Характерно, что консервативная левизна Варварогения, служащая рупором идей Мицича, отрицает и русский большевизм, настаивая на необходимости автохтонного пути Сербии. Этот единственно верный путь определяется зенитизмом, то есть своего рода эстетической утопией, призванной спасти мир. Все обличительные речи героя построены на едином принципе — противопоставлении порицаемого нового благотворной архаике, *нового* как чужого *старому* как своему. При этом природенная сила героя поддерживается символически отмеченными действиями: танцем коло на Авале, соловьем, защитившим героя от пули врага, сакральной триадой по числу полученных от матери писем и пр.

5. Роман Л. Мицича «Варварогений децивилизатор» стал характерным свидетельством того, как в творчестве и идеологии автора либеральные идеи художественного авангарда 1920-х годов перерастали в анти-модернистский проект — почвенничество и консервативный национализм 1930-х годов. Архаические стереотипы в балканской культурной традиции определили плодотворное своеобразие югославянского авангарда. Они же явились и причиной опасных развилок на пути к модернизации общества в последующем ходе исторического развития. В ожесточенных спорах нового и старого не всегда побеждало будущее. Идеология протагониста зенитизма, воплотившаяся в мотивной конструкции романа «Варварогений децивилизатор», встраивается в ряд многочисленных свидетельств парадоксальности балканской модели мира (Цивьян 1999).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дёринг-Смирнова, Смирнов 1980 — Дёринг-Смирнова И. Р., Смирнов И. П. Исторический авангард с точки зрения эволюции художественных систем // *Russian Literature*. 1980. Vol. VIII. С. 403–468.
- Злыднева 2019 — Злыднева Н. В. Категория *воля* в русском и южнославянском историческом авангарде: от поэзии Малевича до манифестов «Зенита» // Категории *воля* и принуждение в славянских культурах / Сост., отв. ред.

- Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Серия «Категории и механизмы славянской культуры»). С. 220–231.
- Иванов 1990 — *Иванов Вяч. Вс.* Хлебников и типология авангарда // *Russian Literature*. 1990. Vol. XXVII, № 1. С. 11–20.
- Мицич 2021 — *Мицич Л.* Варварогений децивилизатор / Пер. М. Лепиловой. Ред., авт. предисл. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2021.
- Смирнов 1978 — *Смирнов И. П.* Место «мифопоэтического подхода» к литературному произведению среди других толкований текстов (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // *Миф — фольклор — литература*. Л.: Наука, 1978. С. 186–203.
- Ханзен-Лёве 2016 — *Ханзен-Лёве О.* Интермедиальность в русской культуре. М.: РГГУ, 2016.
- Цивьян 1999 — *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999.
- Smirnov 1984 — *Smirnov I.* Katahreza // *Pojmovnik ruske avangarde. Drugi svesak / Ur. A. Flaker i D. Ugrešić.* Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1984. S. 67–76.